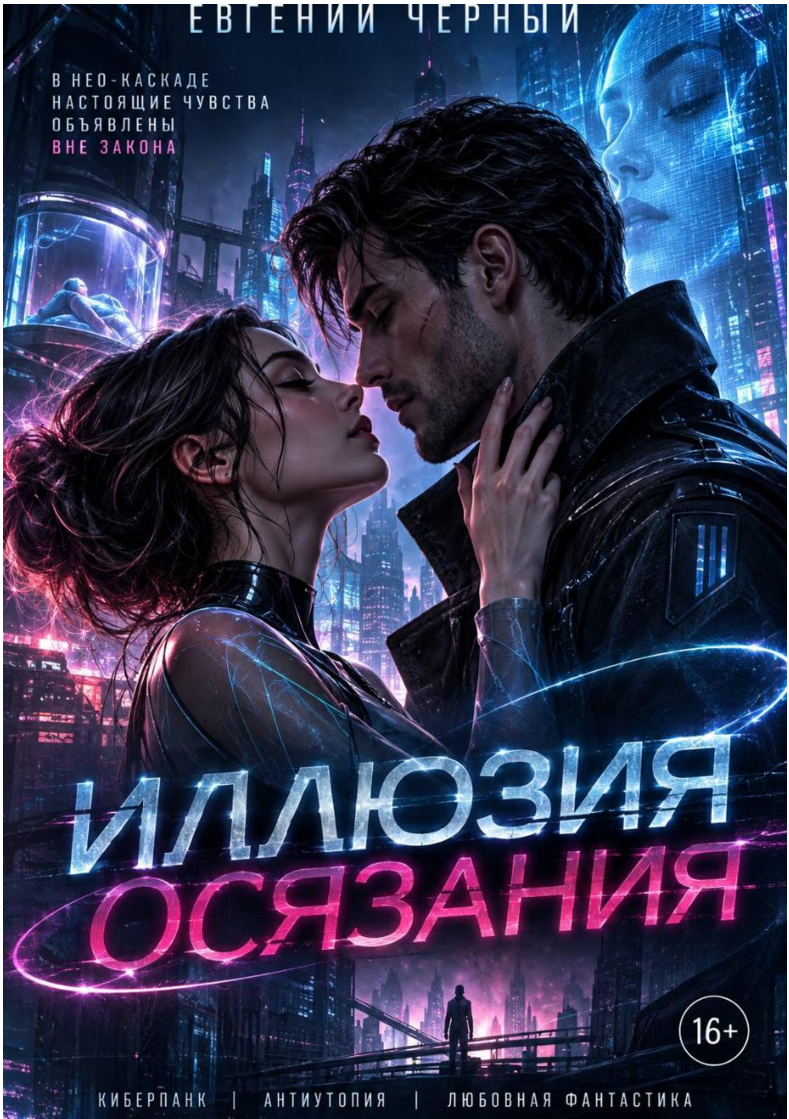

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНЫЙ
В НЕО-КАСКАДЕ
НАСТОЯЩИЕ ЧУВСТВА
ОБЪЯВЛЕНЫ
ВНЕ ЗАКОНА
ИЛЛЮЗИЯ
ОСЯЗАНИЯ
16+
КИБЕРПАНК | АНТИУТОПИЯ | ЛЮБОВНАЯ ФАНТАСТИКА

Евгений Чёрный
Иллюзия Осязания

https://litres.ru/74760778
SelfPub; 2026

Аннотация

В Нео-Каскаде настоящие чувства объявлены вне закона. Элиана признана лучшим подпольным Архитектором сновидений под псевдонимом Морфея. Силой запретных нейроконтуров она создает гиперреалистичные миры, где клиенты получают любое наслаждение. Но у ее дара страшная цена: в реальности Элиана страдает паническим страхом прикосновений и годами живет затворницей в капсуле.

Рэйден Конрой служит старшим следователем Отдела Контроля Сновидений. В бою его мозг был выжжен контузией, поэтому он физически не способен видеть сны. Для него мир стал плоским и серым. Но эта же травма делает его единственным человеком, неуязвимым для чар Морфеи. Войдя в ее иллюзию под видом заказчика, Рэйден начинает смертельно опасную охоту.

Что победит: холодный долг карателя или жажда настоящего тепла? Когда система объявляет охоту на них обоих, им предстоит разрушить золотую клетку иллюзий ради одного живого прикосновения.

Содержание

Глава 1. Сенсорная депривация 4
Глава 2. Абсолютный ноль 24
Глава 3. Иммунитет 41
Глава 4. Сбой в архитектуре 57
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Евгений Чёрный
Иллюзия Осязания

Глава 1. Сенсорная депривация

Кислотный дождь хлестал в бронированное стекло сто тридцатого этажа, превращая неоновые огни нижних ярусов в мутные радужные разводы. Там, внизу, под свинцовым куполом смога, дышал и перемалывал миллионы жизней Нео-Каскад многоярусный колосс из титана, биопластика и вечного гула вентиляционных шахт. Здесь, на высоте птичьего полета, в узкой жилой ячейке Элианы, властвовал иной закон. Закон абсолютной тишины и стерильной изоляции.

Комната тонула в полумраке, разбавленном лишь монотонным изумрудным пульсированием серверных стоек и бледно-голубым свечением голографических проекторов. Никаких мягких ковров, никаких ворсистых пледов, никаких декоративных мелочей, способных случайно коснуться обнаженной руки. Мебель с гладкими полированными поверхностями, матовый темный пол, покрытый антистатическим лаком, и в самом центре помещения герметичный саркофаг нейро-капсулы «Онейрос-7».

Элиана сидела на краю металлического помоста, плотно обхватив колени узкими бледными ладонями. На ней была

бесформенная многослойная толстовка из плотного технического хлопка, на три размера больше, чем требовалось ее хрупкому телу, и свободные трикотажные брюки, перехваченные на щиколотках мягкими резинками. Волосы цвета сырого пепла были коротко острижены на затылке и неровными прядями падали на виски, прикрывая вживленный за правым ухом трехпиновый порт нейроразъема.

Она взглянула на хронометр, спроецированный на сетчатку глаза.

23:42:15. До сеанса оставалось меньше двадцати минут.

Ее клиент сегодня старший логист корпорации «Синтек», некий Марк Вальдо. Обычный офисный планктон с девяностого уровня, копивший на этот сеанс последние четыре месяца. Такие люди не искали дешевой стимуляции в легальных кварталах красных голограмм, где примитивные скрипты перегружали дофаминовые рецепторы за тридцать кредитов в час. Им не нужна была синтетическая шлюха с зашитыми паттернами стонов. Им требовалось то, что запрещалось Третьим Эдиктом о Психической Безопасности: Архитектура Чувств. Абсолютная, многослойная иллюзия, в которой стирается грань между биологической памятью и фантазией.

Они платили за «Морфею». За призрак, который никогда не повторял свои миры дважды.

Элиана шумно выдохнула через стиснутые зубы. Ладони мгновенно взмокли. Самое страшное начиналось прямо сейчас в материальной вселенной, которую она так отчаянно

презирала.

Она поднялась на ноги, сделала шаг к стойке дезинфекции и медленно потянула край толстовки вверх. Прохладный кондиционированный воздух комнаты тут же укусил голую кожу десятками ледяных иголок. Тело среагировало мгновенно: сердце сорвалось в бешеный такт, легкие перехватило спазмом, а вдоль позвоночника прокатилась тупая, тошнотворная судорога.

Афенфосмофобия. В медицинских справочниках это сухой термин, обозначающий навязчивый страх прикосновений. В ее персональном аду это была физическая пытка. Семь лет назад, после облавы карателей в трущобах нижнего сектора, когда ее тело на трое суток заперли в тесном накопителе вместе с десятками обезумевших от ломки бродяг, ее нервная система просто сожгла мосты. Любое физическое касание чужое плечо в толпе, случайное пожатие руки, шершавая поверхность ткани отзывалось в мозгу панической тревогой и вспышкой острой боли, словно к коже прижимали раскаленный оголенный провод.

Дрожащими пальцами она сняла со стойки сенсорный костюм черную эластичную оболочку из жидкокристаллического полимера, пронизанную миллионами микроскопических датчиков обратной связи. Натянуть его было сродни добровольному погружению в кипящую смолу.

Вдох на четыре счета... выдох на восемь, прошептала она пересохшими губами, натягивая ткань на бедра.

Костюм плотно обхватил ноги, сдавил талию, прижался к груди, выдавливая воздух. По коже пробежала волна мурашек. Элиану замутило; она зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли багровые круги, оперлась рукой о холодный борт капсулы и заставила себя выровнять дыхание.

Это просто датчики. Это просто кремний и графен. Они не живые. Они не причинят вреда.

Костюм коротко пискнул, считывая ее биометрические показатели, и стал податливо теплым, подстраиваясь под контуры тела. Эля провела рукой по волосам, нащупала кабель гибкого нейро-шлейфа и точным, привычным щелчком вогнала его в разъем за ухом.

Резкий металлический привкус ударил в корень языка. Зрение на доли секунды погасло.

Идентификация оператора, произнес ровный механический голос системы жизнеобеспечения.

Морфея, хрипло выговорила она.

Голосовой слепок подтвержден. Квантовое шифрование активно. Маршрутизация через семнадцать прокси-узлов за пределами орбитального щита завершена. Капсула готова к погружению.

Элиана перешагнула через высокий борт и легла на ложе из вязкого биогеля. Состав мягко обнял затылок, плечи и поясницу, равномерно распределяя давление. Она закрыла глаза и мысленно нажала на спусковой крючок интерфейса:

Сброс.

Реальность не исчезла она взорвалась и собралась заново в ослепительной вспышке чистой, неограниченной энергии.

Тяжесть свинцового города, страх, удушье, фантомная боль от прикосновения синтетики всё это осыпалось сухой шелухой. Элиана сделала первый вдох в созданном ею мире, и ее легкие наполнились густым, пьянящим ароматом амбры, цветущего ночного жасмина и горячего воска.

Она стояла на мраморной террасе исполинского готического дворца, парящего высоко над океаном из жидкого серебра. Небо над головой переливалось ультрамариновыми и рубиновыми сполохами далеких галактик. Ветер мягкий, бархатистый, наполненный ласковым теплом трепал подол ее платья.

Здесь она больше не была испуганной калекой с короткой стрижкой и синяками под глазами.

Элиана посмотрела на свои руки: совершенная, гладкая кожа медового оттенка, тонкие пальцы с изящными перламутровыми ногтями, тонкие золотые браслеты, тихо позвякивающие на запястьях. Платье из полупрозрачного черного шелка струилось вдоль тела, не скрывая высокой, упругой груди и плавного изгиба бедер. Длинные черные локоны тяжелой волной падали ниже талии. Каждое движение рождало в окружающем пространстве легкий резонанс: воздух вокруг нее едва заметно мерцал золотой пыльцой.

Она провела ладонью по собственной ключице.

Божественно.

Никакой паники. Никаких судорог. В мире сновидений тактильные импульсы шли не через поврежденные периферические нервы, а моделировались напрямую в соматосенсорной коре. Здесь прикосновение было ее абсолютным оружием, ее высшей властью. Здесь она была не жертвой она была Создателем.

В центре террасы, на широком ложе под балдахином из темно-алого бархата, материализовалась фигура Марка.

Его аватар сохранял черты его реального тела слегка одутловатое лицо офисного служащего, усталые плечи, морщины тревоги на лбу, но Морфея слегка скорректировала его параметры, добавив осанке благородства, а взгляду жажды. Он лежал на простынях, словно только что очнулся от глубокого сна. Его зрачки были расширены, дыхание сбито.

Где... где я? прошептал Марк, пытаясь опереться на локоть.

Морфея бесшумно скользнула к ложу. Ее босые ступни едва касались прохладного мрамора. Она изменила гравитационную плотность воздуха вокруг ложа, сделав движения мужчины замедленными, тягучими, словно он пытался двигаться сквозь теплый мед.

Ты там, где время не имеет власти, Марк, ее голос зазвучал не из уст, а внутри его собственного черепа, вибрируя мягким контральто, вызывая приятную дрожь в затылке. Забудь шум конвейеров. Забудь предписания корпорации. Сегодня ты принадлежишь мне.

Марк судорожно сглотнул, завороженно глядя, как она опускается на колени у края постели. В его глазах полыхнул дикий, голодный огонь человека, которого годами держали на пайке из виртуальных суррогатов и антидепрессантов.

Морфея... Я отдал всё, чтобы попасть сюда...

Я знаю, милый, она чуть склонила голову, и прядь шелковистых волос коснулась его обнаженного плеча.

Марк вздрогнул всем телом, из его груди вырвался хриплый стон. Даже это мимолетное касание волос в ее симуляции ощущалось острее, чем любой реальный контакт: Морфея выкрутила ползунок тактильной чувствительности его нервных узлов на сто двадцать процентов, заставив каждую клетку его виртуальной кожи кричать от предвкушения.

Она протянула руку и коснулась кончиками пальцев его виска.

Синестезия ее фирменный почерк, за который подпольные брокеры требовали целые состояния. В момент прикосновения Морфея связала тактильный импульс со слуховой и зрительной зоной его мозга. Для Марка ее пальцы не просто скользнули по коже его сознание наполнилось переливами серебряных колокольчиков, а в воздухе вспыхнули искры фиолетового пламени.

Она медленно опустила ладонь ниже, очерчивая линию челюсти, скользя по шее к ключице. Мужчина задыхался, его пальцы судорожно впивались в простыни. Морфея чувствовала бешеный ритм его пульса, ощущала жар, исходящий от

его аватара. Она наклонилась ближе, позволяя шелку платья соскользнуть с одного плеча, и прижалась губами к яремной впадине на его шее.

Это был не поцелуй это было вторжение.

Она щедро вливала в его нейросеть концентрированную смесь эйфории, первобытной страсти и ощущения собственной абсолютной значимости. В этот миг для него не существовало никого, кроме этой полуобнаженной богини, чьи бедра плавно опустились на его бедра.

Морфея двигалась с гипнотической неспешностью, заставляя его тело выгибаться навстречу, требуя большего, умоляя об избавлении. Но она держала дистанцию, искусно балансируя на грани экстаза. Каждый раз, когда Марк пытался вскинуть руки, чтобы схватить ее за плечи или притянуть к себе, воздух вокруг его запястий уплотнялся до твердости невидимого стекла.

Никаких встречных прикосновений. Даже здесь, в пространстве чистого кода, инстинкт самосохранения Элианы оставался незыблем. Контролировать процесс имела право только она.

Пожалуйста... Морфея... я сгорю... простонал Марк, запрокидывая голову.

Она улыбнулась холодно, торжествующе, как хищник, видящий жертву в силках.

Сгорай, прошептала она прямо в его полуоткрытые губы.

Морфея сняла последние барьеры. Пространство дворца

вокруг них треснуло, разлетаясь миллионами сверкающих кристаллов. Гравитация исчезла; они зависли среди вихря звездного света и бушующих волн расплавленного серебра. Волна сенсорной перегрузки невероятной мощности прокатилась по синапсам Марка. Его тело вздрогнуло в финальном, ослепительном спазме абсолютного наслаждения, переплавляющего сознание в чистый эндорфиновый свет.

Элиана впитывала эхо этого экстаза через интерфейс, ощущая профессиональную гордость. Работа была выполнена безупречно. Еще одна заблудшая душа получила свое спасение.

Щелчок таймера.

Время сеанса истекло. Инициализация принудительного разрыва соединения, раздался холодный зуммер протокола безопасности.

Иллюзия задрожала. Звезды померкли, превращаясь в зеленые строки бинарного кода. Серебряный океан распался на серые пиксели, а совершенное тело Морфеи развеялось цифровым пеплом.

Элиана распахнула глаза.

Тяжелый, спертый воздух квартирного бокса на сто тридцатом этаже обрушился на нее, словно мокрая бетонная плита. Горло пересохло. Сердце глухо колотилось о ребра.

Она судорожно нажала на панели клапан аварийного сброса. С шипением разгерметизации крышка саркофага откинулась вверх.

Девушка буквально вывалилась из капсулы на холодный пол. Дрожащими, не слушающимися пальцами она вцепилась в застежку сенсорного костюма, сдирая его с себя с такой яростью, будто это была ядовитая змея, обвившаяся вокруг тела. Ей казалось, что чужое присутствие, чужое вожделение и фантомные касания Марка все еще въелись в ее поры.

Сбросив костюм в угол, она спотыкаясь добежала до крошечной душевой кабины и ударила кулаком по сенсору подачи воды.

Вода хлынула обжигающим кипятком. Элиана даже не разделась до конца в одном белье она опустилась на кафель, подтянула колени к подбородку и подставила голову под упругие тугие струи. Пар мгновенно заполнил кабину, скрывая зеркало.

Она терла плечи жесткой синтетической мочалкой до кровавых ссадин, пытаясь смыть то, чего на самом деле не существовало.

Никто тебя не трогал. Ты была одна. Это просто код. Это просто электричество.

Голографический коммуникатор на стене комнаты тихо тренькнул, оповещая о транзакции.

«На ваш анонимный кошелек зачислено: 4 500 крипто-кредитов. Баланс: 187 400 / 300 000».

Больше половины суммы, необходимой для покупки чистых документов класса «А» и билета на транспортник до

Свободных Колоний, уже было собрано. Еще двадцать таких сеансов и она сможет навсегда покинуть этот токсичный улей, купить клочок земли на побережье, где нет нейросетей, где светит настоящее, не заслоненное смогом солнце, и где никто и никогда не посмеет подойти к ней ближе, чем на сотню шагов.

Элиана закрыла глаза, слушая шум льющейся воды. В этот миг, сидя на полу тесной душевой, она чувствовала себя самым одиноким и опустошенным существом на всей планете.

В трех десятках километров к югу, в циклопическом монолите штаб-квартиры Отдела Контроля Сновидений, царила стерильная мгла.

Здесь не было уюта. Огромный зал оперативного мониторинга походил на командный пункт орбитального крейсера: ряды терминалов, мерцание сотен экранов и монотонный перестук клавиш дежурных аналитиков.

На центральной трехмерной карте города внезапно вспыхнула багровая пульсирующая точка.

Зафиксирован выброс нейро-трафика высокой плотности в квадранте 14-Бис, монотонно доложил дежурный оператор, не отрывая взгляда от осциллографа. Квантовое шифрование армейского образца. Нелинейная модуляция частот. Сигнатура...

Морфея, раздался из темноты низкий, хрипловатый голос.

К голографическому столу подошел мужчина. Высокий,

поджарый, в строгом темном кителе без знаков различия, наглухо застегнутом под самое горло. Его лицо с резкими скулами и жесткой линией подбородка казалось высеченным из серого гранита. Глаза глубоко посаженные, темные, холодные смотрели на пульсирующую красную метку с тяжелым, немигающим вниманием.

Рэйден Конрой. Старший инспектор ОКС. Человек, которого в подполье шепотом называли «Мертвым Ловцом».

Семь лет назад направленный электромагнитный заряд во время зачистки мятежного сектора выжег проводящие пути в его правом полушарии. Врачи вернули его к жизни, но цена оказалась чудовищной: абсолютная сомническая слепота. Рэйден больше не видел снов. Никогда. Когда он закрывал глаза, наступала плотная, мертвая тишина без единого образа.

Хуже того: вместе со снами из его жизни ушли полутона. Еда отдавала картоном, музыка казалась набором механических шумов, а женские объятия вызывали лишь раздражение от ненужного трения тканей. Он жил в состоянии перманентного сенсорного голода эмоциональный призрак в безупречно функционирующем теле охотника.

Сигнал оборван, доложил оператор, щелкнув тумблером. Клиент отключился. Архитектор стер маркеры маршрутизации за четыре миллисекунды. Мы снова не успели запеленговать физический узел.

Рэйден медленно провел рукой по гладкой панели терми-

нала. Пульсирующая точка на карте медленно растворилась, оставив после себя лишь серую сетку улиц.

Она не просто развлекает богачей, тихо, почти неслышно проговорил Рэйден. Ее иллюзии меняют биохимию мозга. Они вызывают зависимость сильнее черного неонита. Люди продают органы, чтобы снова лечь в ее грезы.

Из-за перегородки показалась коренастая фигура комиссара Граймса. В руках старый служака держал увесистый кейс из углепластика с эмблемой спецхрана.

Ты прав, Конрой, бросил Граймс, со стуком опустив кейс на стол. Замки щелкнули, открывая нутро из плотного черного поролона. И совет директоров требует ее голову. У нас появился козырь.

Рэйден опустил взгляд. Внутри кейса покоился нестандартный нейро-интерфейс: изогнутая змейка из черненого титана с тонкими иглами наноконтактов.

Взяли у курьера в трущобах час назад, продолжал Граймс. Устройство модифицировано для прямого подключения к закрытому шлюзу Морфеи. Сеанс выкуплен и назначен на завтрашнюю полночь. Но есть проблема.

Какая?

Любой нормальный оперативник, оказавшись в ее сне, потеряет рассудок. Ее поле синестезии подавляет волю за считанные секунды. Она заставит нашего бойца пустить себе пулю в лоб прямо в капсуле, если почует неладное. Нам нужен тот, кто не способен утонуть в иллюзии. Тот, у кого нет фан-

тазии, которую можно взломать.

Рэйден медленно протянул руку и коснулся холодного титанового корпуса прибора. Впервые за долгие месяцы в глубине его выжженного сознания шевельнулась острая, ледяная искра азарта.

Моя слепота, констатировал он.

Да. Твой мозг не строит симуляций. Ты будешь видеть ее мир, но для тебя он останется строками данных. Ты сможешь внедриться в ее сон, зафиксировать физический маяк и удержать соединение, пока штурмовой борт не вскроет дверь ее квартиры.

Граймс нахмурился, вглядываясь в неподвижное лицо подчиненного:

Ты понимаешь риск, Рэй? Интерфейс кустарный. Если твои поврежденные нейроны не выдержат ее эмоциональной накачки... ты можешь ослепнуть окончательно. Или остаться овощем.

Рэйден взял интерфейс в руку. Холодный металл приятно холодил огрубевшую кожу ладони.

Я уже семь лет как слеп, комиссар, произнес он ровным, лишенным страха голосом. Подготовьте медицинскую капсулу в изоляторе. Завтра в полночь я иду за Морфеей.

После того как Марк погрузился в сон, Элиана еще несколько минут наблюдала за показаниями нейродинамического сканера на виртуальной консоли.

Каждый клиент оставлял после себя специфический оса-

док в буферной памяти: микропаттерны мозговой активности, которые требовалось немедленно дезинфицировать, чтобы они не загрязнили ядро симуляции. Марк был типичным представителем среднего менеджмента корпорации Синтек: вечно испуганный, затравленный бесконечной гонкой за квартальными показателями, боящийся увольнения больше, чем физической смерти. В его реальной жизни не было места спонтанности: каждый шаг регламентировался корпоративным кодексом, каждая улыбка фиксировалась нательными видеорегистраторами служебной этики.

Морфея знала эту изнанку Нео-Каскада наизусть.

Сотни тысяч таких же клерков ежедневно поднимались на скоростных лифтах в стеклянные башни, чтобы провести двенадцать часов перед голографическими терминалами, заполняя отчеты о движении минерального сырья и синтетических белков. Вечером они спускались в свои типовые ячейки размером в двенадцать квадратных метров, принимали стандартную дозу седативных пилюль и ложились в дешевые виртуальные капсулы, чтобы посмотреть разрешенные цензурой сны о великих победах корпорации на внешних астероидах.

Но человеческая природа бунтовала против этого механического концлагеря.

Именно этот бунт и кормил подпольных архитекторов сновидений. Элиана брала серую, выхолощенную душу офисного раба и на два часа возвращала ему право быть

богом, воином или ненасытным любовником. Она создавала иллюзию абсолютной значимости, ради которой люди шли на любые преступления, продавая последние фамильные драгоценности и залезая в кабальные кредиты у криминальных синдикатов.

Она выключила мониторы, проверила целостность квантового шлюза и приготовилась к выходу в холодную реальность своей квартирной ячейки.

Стоя под струями кипятка в крошечной душевой кабине, Элиана закрыла глаза, пытаясь силой воли остановить внутреннюю дрожь.

Вода стекала по ее худым ключицам, по ребрам, смывая липкий фантомный налет чужого вожделения. В голове эхом отдавался голос Марка, его хриплые стоны, его мольбы о пощаде и продолжении. Это был двадцать шестой клиент за последние три месяца. Каждый раз сценарий повторялся с пугающей точностью: мужчины приходили за властью и страстью, но на самом деле искали лишь избавления от оглушающего одиночества, в которое их заковал этот город.

Она выключила воду, завернулась в жесткое вафельное полотенце и подошла к зеркалу, проведя ладонью по запотевшему стеклу.

Из зеркала на нее смотрело бледное, осунувшееся лицо с тенями под глазами. Никакого жидкого золота. Никаких роскошных локонов богини снов. Обычная девчонка из трущоб сектора Омега, чудом выжившая в мясорубке зачисток,

вынужденная продавать собственные сны ради призрачного шанса купить билет в один конец.

Она прикоснулась пальцем к свежему шраму за правым ухом, где нейроразъем соединялся с мозговым стволом. Металл был холодным.

«Еще немного», прошептала она своему отражению. «Еще несколько сеансов, и ты сотрешь это имя навсегда. Морфея умрет. Останется только Эля».

Она натянула сухую просторную толстовку, погасила свет в комнате и легла на узкую кровать, глядя, как по бронированному стеклу окна сползают капли кислотного дождя.

Лежа в темноте своей ячейки, Элиана думала о том, как хрупок мир, построенный на кремниевых платах.

Ее капсула «Онейрос-7» стоила как годовой бюджет небольшого завода в нижнем секторе. Она собирала ее по частям: квантовый процессор купила у контрабандистов с орбитальных верфей, биогелевую ванну вывезла со списанного медицинского склада, а кабели обратной связи заказывала в закрытых лабораториях нейропротезирования. Каждый узел этой машины был оплачен бессонными ночами, страхом и постоянным ожиданием облавы.

Она знала: если Отдел Контроля засечет ее сигнатуру, ее не просто арестуют.

Ее мозг станет собственностью исследовательской лаборатории корпорации Синтек. Ее посадят на синтетические блокаторы воли и заставят генерировать виртуальные про-

странства для высокопоставленных чиновников до тех пор, пока ее синапсы не сгорят в серую золу. Это была судьба всех пойманных нелегальных архитекторов.

«Только не я», прошептала она в подушку, сжимая в кармане холодный титановый ключ от сейфа. «Я сдохну в огне, но не позволю им надеть на себя цифровой ошейник».

Она закрыла глаза, слушая, как ветер с запада бьет в стекло, предвещая скорую, неизбежную грозу.

Каждое утро после ночного сеанса Элиана проводила строгий ритуал дезинфекции сенсорного костюма.

Она опускала тонкую полимерную ткань в ультразвуковую ванну со специальным ферментным раствором, наблюдая, как пузырьки газа смывают мельчайшие следы кожного сала и статического заряда. Для нее этот костюм был одновременно спасением и проклятием: он кормил ее, позволял зарабатывать на побег, но он же напоминал ей о том, что ее собственная живая кожа была не способна выдержать даже самого легкого дружеского касания.

Она смотрела на свои тонкие пальцы с розовыми подушечками.

В детстве, до рейда в секторе Омега, она любила лепить из сырой речной глины фигурки фантастических животных. Глина была податливой, прохладной, пахнущей дождем и тиной. Ее брат Дэн сушил эти фигурки на солнце и покрывал лаком из древесной смолы. Те детские глиняные птицы были ее первыми попытками изменить форму окружающего мира,

создать что-то красивое среди серой фабричной грязи.

«Я снова буду лепить из глины», пообещала она себе, глядя в мутное стекло окна. «Когда этот кошмар закончится, я куплю гончарный круг и мешок белой каолиновой глины. И мои руки больше никогда не коснутся проводов».

Принимая утреннюю порцию витаминного концентрата, Элиана смотрела на панораму Нео-Каскада сквозь толщу бронированного стекла.

С высоты сто тридцатого этажа мегаполис казался гигантской кремниевой микросхемой, по дорожкам которой текли светящиеся ручейки монорельсовых составов и потоки грузовых дронов. Там, внизу, под свинцовым покрывалом токсичного смога, кипела слепая муравьиная жизнь: люди рождались, горбатились на сборочных линиях, брали кредиты на покупку искусственного воздуха и умирали, так и не увидев настоящего солнца.

Она знала, что ее собственная свобода была такой же иллюзией: она сидела в золоченой клетке под самым небом, вздрагивая от каждого стука в дверь, боясь прикосновения собственного платья к коже.

«Скоро все изменится», прошептала она, пряча пустой тюбик из-под концентрата в утилизатор. «Еще немного терпения. Ты выберешься отсюда, Эля. Чего бы это ни стоило».

За бронированным стеклом капли кислотного дождя чертили косые дорожки, похожие на неоновые слезы погибающего города.

Элиана прижалась лбом к прохладной поверхности, слушая, как где-то в вентиляционной шахте стонет застрявший ветер. В этом звуке не было злости, только бесконечная усталость камня и металла. Она знала, что за пределами ее стерильного бокса миллионы людей каждую секунду боролись за глоток пригодного для дыхания воздуха, а она добровольно замуровала себя в хрустальный склеп, спасаясь от собственных нервных окончаний.

«Ты сама выбрала эту тюрьму», шептал внутренний голос. «Но только здесь ты можешь быть богиней».

Глава 2. Абсолютный ноль

Штаб Отдела Контроля Сновидений пах выжженным озоном, дешевым хлором и холодной чиновничьей тревогой.

На двадцать четвертом подземном ярусе цитадели никогда не знали естественного солнечного света. Здесь, глубоко под гранитным фундаментом Нео-Каскада, день и ночь определялись лишь переключением ламп дневного освещения с мертвенно-белого на тускло-серый режим экономии энергии. Круглые сутки в толще бетонных стен глухо гудели гигантские климатические установки, гоняя по металлическим трубам сухой, лишенный любых органических запахов воздух. С потолка, затянутого защитной сеткой, свисали толстые жгуты оптических и криогенных кабелей, стянутые грубыми пластиковыми хомутами. По полированному композитному полу с монотонным стуком то и дело прокатывались тележки с жидким азотом для охлаждения центральных массивов вычислителя Аргус.

Рэйден Конрой стоял возле узкого металлического стола в боксе специальной предстартовой подготовки.

Перед ним стояла коническая пластиковая чашка с темной, дымящейся жижей, которую синтезатор пищевого блока гордо именовал черным кофе. Напиток был обжигающе горячим, кипяток мгновенно ошпарил кончик языка и нёбо, но вкуса Рэйден не почувствовал вовсе. Ни горечи зерен, ни

характерной терпкости, ни сладковатого послевкусия жареной арабики. Ровно семь лет его вкусовые сосочки регистрировали исключительно физические параметры: температуру, плотность и вязкость. Горячая жидкость. Холодная жидкость. Слизистая жижа. Соль и кислота определялись мозгом как едва заметное покалывание нервных окончаний, похожее на прикосновение слабой батарейки, лишенное всякого эмоционального окраса.

Контузия в трущобах сектора Омега разорвала не только плоть и сломала три ребра.

Направленный электромагнитный импульс армейской мины, кустарно собранной мятежниками из силового конденсатора тяжелого строительного манипулятора, прожег кору его правого полушария и до самого основания расплавил тончайшие таламические фильтры. Врачи военного госпиталя считали его выживание чудом современной нейрохирургии. Они гордились своими отчетами: двигательные функции восстановились за три недели, мелкая моторика пальцев не пострадала, реакция оставалась молниеносной, а рука не знала тремора даже при стрельбе на предельной дистанции с двухсот метров.

Но внутри его черепной коробки воцарился вечный полярный штиль.

Сомническая слепота. В официальных клинических протоколах этот диагноз кодировался длинным шифром нейродегенеративного дефицита фазы быстрого сна. Когда обыч-

ный житель Нео-Каскада закрывал глаза, его мозг начинал плести спасительную ткань фантазий: лица умерших близких, обрывки дневных диалогов, эротические грезы или кошмары, помогающие сбросить груз четырнадцатичасовой рабочей смены.

Рэйден Конрой, закрывая глаза, видел только глухую, матовую, двухмерную тьму.

Его сознание выключалось внезапно, словно обесточенный рубильником серверный шкаф, а через четыре часа включалось обратно с сухим звоном в ушах и тупой, давящей болью в затылочной кости.

Вместе со сновидениями из его жизни ушли полутона. Мир превратился в чертеж, выполненный черной тушью на сером ватмане. Еда потеряла вкус и стала топливом, необходимым для поддержания нужного уровня сахара в крови. Музыка распалась на раздражающий набор механических звуковых частот разной амплитуды. Женщины, привлекаемые его суровой внешностью и статусом старшего следователя, исчезали из его жизни после первой же ночи: физическая близость превратилась в сухую, механическую гимнастику мышц пресса и таза, в которой не было ни капли страсти, ни тепла, ни радости. Партнерши чувствовали под своими пальцами не мужчину, а холодную броню танка, равнодушную к стонам и ласкам.

Дверь операционного бокса с тихим шипением отъехала в паз, нарушая тишину.

В помещение тяжелой походкой вошел доктор Арис, ведущий нейропатолог ведомства: тощий, лысеющий человек с бледным лицом и вечно дрожащими пальцами пианиста. Следом за ним, пыхтя и распространяя вокруг себя запах застарелого табачного дыма и пота, ввалился комиссар Граймс.

«Диагностическая таблица готова?», спросил Граймс, с грохотом бросив на стол свой служебный планшет в треснувшем чехле.

«Готова, господин комиссар», пробормотал Арис, подключая диагностический сканер к терминалу у изголовья ложа. «Показатели стабильны. Энцефалограмма ровная, как замерзшее озеро. Никаких спонтанных всплесков в дельта-диапазоне. Сенсорная депривация стопроцентная. Он готов к глубокой интеграции с технической точки зрения».

«А с человеческой?», Граймс тяжело уперся кулаками в край стола, вглядываясь в неподвижное лицо Конроя налитыми кровью маленькими глазками. «Ты уверен, что готов влезть в шкуру этого сопливого мажора, Рэй? Вейн платил не за экскурсию по музеям. Эта девка заставит тебя ползать на коленях, вымаливая очередную порцию ее сомнической дури. Она ломала мужиков с железными яйцами. Депутаты городского совета после ее сеансов рыдали в подушку и отдавали половину семейных трастов за повторный вход».

Рэйден медленно поставил пластиковую чашку с безвкусным кофе на металлический поднос.

«Депутаты городского совета были рабами собственных потаенных желаний, комиссар», ответил он ровным, лишенным интонаций голосом. «Они боялись темноты, стыдились своих извращений или мечтали о безусловной любви, которой никогда не знали в своих мраморных пентхаусах. У меня нет потаенных желаний. Мой мозг не способен вожделеть то, чего не помнит. Для меня ее комната будет набором координатных меток, а ее прикосновения электрическими импульсами силой в пять миллиампер».

Граймс криво усмехнулся, обнажив пожелтевшие от крепкого табака зубы: «Красиво излагаешь, Конрой. Прямо как в методичке академии. Только уличные архитекторы плевать хотели на твои методички. Они работают с лимбической системой напрямую, в обход коры. Если эта бестия нащупает хоть один живой синапс в твоей голове, она намотает твои кишки на свой программный шпиндель».

Комиссар пододвинул к себе тяжелый углепластиковый кейс, щелкнул замками биометрической блокировки.

Внутри, на подложке из пористого черного поролона, тускло блеснуло устройство.

Это не был стандартный армейский шлем с широкими электродами и предохранительными стабилизаторами частоты. Модуль представлял собой гибкую змейку из черненого оружейного титана длиной около пятнадцати сантиметров. На одном конце находился трехпиновый штекер с защелками, на другом пучок тончайших, как паутина, игл из

углеродных нанотрубок.

«Работа подпольных мастеров сектора Ржавый Угол», сказал Граймс, понизив голос до хриплого шепота. «Прямое подключение к шейному сплетению и продолговатому мозгу. Никаких фильтров перегрузки. Никаких аварийных предохранителей, отсекающих скачки напряжения при болевом шоке. Этот модуль был прошит под личный нейро-профиль Джулиана Вейна. Наш штатный хакер вбил туда фальшивые сертификаты верификации, но частотная модуляция осталась оригинальной. Вейн заплатил за этот слот двенадцать тысяч крипто-кредитов. Морфея ждет его ровно в полночь».

Рэйден подошел к столу, протянул руку и аккуратно поднял модуль за титановый корпус.

Металл отозвался едва заметной, высокочастотной вибрацией. Иглы на конце подрагивали, улавливая электромагнитное поле его пальцев. В этом куске кустарной электроники таилась разрушительная мощь: инструмент, способный взломать человеческую душу и вывернуть ее наизнанку ради призрачного экстаза.

«Инструкции предельно просты», продолжал комиссар, заглядывая Конрою в глаза. «Ты ложишься в саркофаг. Арис запускает принудительную синхронизацию через закрытый спутниковый ретранслятор. Ты проваливаешься в ее симуляцию. С этого момента у нашего пеленгатора начнется обратный отсчет. Чтобы зафиксировать точку выхода ее серве-

ра в физической сети, нам потребуется шесть минут непрерывного широкополосного обмена пакетами. Шесть минут, Конрой. Ты должен удерживать ее внимание. Ты должен заставить ее поверить, что перед ней похотливый, сломленный и послушный клиент».

«А если она почует подмену раньше?», спросил Рэйден, осматривая контактные площадки наноигл.

«Если она почует подмену, она нажмет аварийный сброс», вмешался доктор Арис, нервно протирая очки краем халата. «Или пустит по каналу встречный разряд в сорок тысяч вольт. Без предохранителей такой импульс испарит вам продолговатый мозг за сорок миллисекунд. Вы даже вскрикнуть не успеете. Смерть наступит от мгновенного паралича дыхательного центра».

«Значит, я позабочусь о том, чтобы она не нажала на сброс», сухо бросил Конрой.

Он стянул через голову форменную майку, бросив ее на стул.

На его бледной спине, между мощными лопаточными мышцами, темнел круглый титановый разъем порта глубокого подключения. Кожа вокруг него была слегка воспаленной: рубцовая ткань после операции семилетней давности не любила холода и сырости. Вдоль позвоночника тянулись три белесых шрама от хирургических зондов, которыми военные врачи сшивали разорванные проводящие пути после контузии.

Рэйден подошел к горизонтальной капсуле глубокого погружения модели Тритон-М.

Это была брутальная военная машина: толстая броневая сталь, серые гидравлические цилиндры, зажимы для фиксации запястий и голеней на случай мышечных судорог, трубки подачи дыхательной смеси и датчики кардиомониторинга. Никакого мягкого геля, никакой заботы о комфорте оператора. Только жесткое резиновое ложе с анатомическим углублением для затылка.

Конрой сел на край, перекинул ноги внутрь. Металл борта был ледяным.

«Инициализация в ручном режиме», скомандовал он Арису.

Доктор торопливо подошел с хирургическим манипулятором в руках, обработал кожу вокруг шейного разъема Рэйдена едким спиртовым раствором: «Конрой, я обязан предупредить еще раз. Мы не знаем, как поведут себя поврежденные нейроны при контакте с нелинейным сомническим кодом Морфеи. Ее архитектура не подчиняется стандартам Минздрава. Это чистое искусство, замешанное на индивидуальной биохимии. Вы можете ослепнуть окончательно. Или потерять остатки двигательного контроля».

«Начинайте, доктор», отрезал Рэйден, опуская голову на резиновую подушку.

Арис вздохнул, поднес титановый модуль к его шее. Тонкие наноиглы совмещались с микроскопическими отверсти-

ями порта с ювелирной точностью.

«Фиксация направляющих... Ввод».

Раздался глухой, металлический щелчок сервопривода.

Боль не пришла сразу: она взорвалась в глубине черепа с задержкой в долю секунды, словно раскаленный добела гвоздь вогнали в основание мозгового ствола и провернули вокруг оси. Челюсти Рэйдена лязгнули, зубы сжались с такой силой, что хрустнула эмаль на коренных. Мышцы спины натянулись струнами, тело выгнулось дугой над резиновым ложем.

По шее, огибая ключицу, потекла тонкая, горячая струйка крови.

Перед глазами вспыхнула ядовито-зеленая сетка аппаратных сбоев. Мониторы капсулы взвыли частым, тревожным писком:

«Внимание: критический уровень сенсорного давления! Пульс сто сорок пять! Артериальное давление двести на сто десять! Угроза разрыва капилляров сетчатки!».

«Отключить аварийную сирену», прохрипел Рэйден сквозь стиснутые до крови зубы. В его горле стоял густой металлический привкус меди. «Я держу канал. Вводите пароль доступа».

Граймс навис над ним, его лицо в свете красных аварийных ламп казалось маской демона: «Помни, Конрой. Шесть минут. Ни секундой меньше. Зацепи ее за живое. Заставь ее играть».

Тяжелая крышка капсулы с шипением гидравлики опустилась вниз, отрезая свет, лицо комиссара, тревожный голос Ариса и весь материальный мир.

Наступила тишина.

Та самая привычная, глухая, мертвая темнота его персональной слепоты.

Рэйден лежал неподвижно, слушая затухающий стук собственного сердца в ушах. Прошла секунда. Другая. Третья. Ничего не происходило. Неужели модуль сгорел? Неужели его поврежденный мозг просто отторг чужеродный код?

И тут в темноте раздался звук.

Капли.

Тяжелые, гулкие капли воды, падающие на гладкий обсидиановый камень с огромной высоты.

Затем сквозь мрак пробился запах: терпкий аромат ночного жасмина, свежего озона и раскаленного воска.

Его мертвое сознание содрогнулось от чудовищного толчка. Чернота лопнула миллионами золотых трещин, и Рэйдена Конроя швырнуло в сияющую пасть чужого, запретного мира.

Пока доктор Арис заканчивал калибровку наноигл, Рэйден смотрел в серый бетонный потолок бокса.

Память услужливо подкинула образ трехлетней давности: лейтенант Сара Чен, его бывший напарник по второму оперативному отделу. Сара была блестящим аналитиком, пока не вызвалась добровольцем на операцию по перехвату архи-

тектора снов в девятом секторе. Ее вытащили из капсулы через сорок минут сеанса: физически здоровая женщина пускала слюни, смотрела остекленевшими глазами в одну точку и звала несуществующего любовника, которого ее мозг продолжал видеть на пустой стене палаты. Через месяц ее перевели в закрытый стационар для хроников. Еще через два она тихо захлебнулась собственной рвотой во сне.

«Ты думаешь о Чен?», негромко спросил Граймс, заметив, как застыл взгляд подчиненного.

«Я думаю о том, сколько кредитов оседает на счетах клиник за содержание таких овощей», сухо отозвался Рэйден. «Морфея работает тоньше уличных кодеров. Ее программы не просто насилуют дофаминовые рецепторы. Она создает психологическую петлю: человек получает во сне то единственное, чего был лишен в детстве или юности. Для Чен это было признание ее гениальности. Для Вейна абсолютная, рабская покорность женщины».

«А для тебя?», Граймс прищурил маленькие глазки. «Что может предложить тебе девка, если в твоей башке выжжена сама способность хотеть?».

«Ничего», ответил Конрой, чувствуя, как спиртовой раствор холодит кожу на затылке. «Именно поэтому я вернусь обратно с ее координатами, а она отправится на скамью подсудимых».

«Блажен, кто верует», проворчал комиссар, отступая к пульту. «Только помни, парень: в мире снов логика не спаса-

ет от пули, если эта пуля сделана из твоих собственных подавленных страхов».

Пока на мониторе капсулы Тритон-М мигали зеленые строчки диагностики, Рэйден вспомнил первый день своей службы в Отделе Контроля Сновидений.

Тогда, семь лет назад, до контузии в секторе Омега, он наивно верил, что их работа защищает общество от опасных психоделических наркотиков нового поколения. Старшие офицеры учили новичков видеть в нелегальных архитекторах хладнокровных террористов, разрушающих психику законопослушных граждан ради легкой наживы. Им показывали видеозаписи жертв сомнической зависимости: исхудавшие тела, стеклянные глаза, судорогой сведенные конечности.

Но с годами Рэйден научился читать между строк закрытых протоколов.

Он видел, кому принадлежали конфискованные подпольные серверы. Он видел счета в офшорных зонах, на которые переводились конфискованные миллионы. Корпорация не боролась со сновидениями: она устраняла конкурентов. Легальные наркотические транквилизаторы приносили совету директоров триллионные прибыли ежегодно. Свободный архитектор снов был опасен не тем, что вредил здоровью, а тем, что давал человеку свободу выбора и неподконтрольные эмоции.

Граймс был живым воплощением этой системы: цинич-

ный, лицемерный чиновник в генеральском кителе, сделавший карьеру на крови своих подчиненных. Он знал цену каждому жетону и каждому закону, и эта цена всегда измерялась золотыми чипами.

Рэйден зажмурился, готовясь к прыжку в бездну. Он шел на эту операцию не ради корпорации и не ради Граймса. Он шел ради того, чтобы вернуть себе право быть живым.

Пока гидравлические приводы опускали тяжелую броневую крышку капсулы Тритон-М, Рэйден мысленно повторил последовательность тактических действий при входе в симуляцию.

Первая фаза: визуальная рекогносцировка. Определение геометрии пространства, источников света и точек фиксации виртуальных объектов. Опытные архитекторы всегда оставляли в архитектуре снов опорные узлы: колонны, статуи или зеркала, через которые процессор распределял сенсорную нагрузку. Уничтожив такой узел, можно было обрушить всю симуляцию за доли секунды.

Вторая фаза: тестирование соматосенсорного фильтра. Если Морфея попытается применить прямой дофаминовый удар, перенаправить входящий импульс в двигательные моторные контуры экзоскелета.

Третья фаза: активация скрытого программного маяка пеленгации.

Рэйден глубоко вдохнул спертый резиновый воздух саркофага. Он знал, что этот план безупречен на бумаге, но на

практике любая операция летела к черту при первом же контакте с противником. В мире сновидений противником было не оружие: противником было его собственное подсознание, которое спало семь долгих лет и теперь могло проснуться в любой момент.

«Инициация обратного отсчета», раздался в наушниках последний щелчок дежурного техника. «Три. Два. Один».

Тьма сомкнулась над ним, увлекая в ледяной водоворот цифрового небытия.

Перед тем как лечь на ложемент Тритона, Рэйден заглянул в служебный формуляр задания на мониторе Граймса.

Там, в графе оперативных отметок, стояли имена трех предыдущих следователей, пытавшихся подобраться к Морфее за последний год: капитан Васкес, старший инспектор Нордман, лейтенант Ильин. Все трое числились в списках безвозвратных санитарных потерь. У всех троих в графе диагноза значился обширный геморрагический инфаркт коры головного мозга в результате несовместимой с жизнью сенсорной перегрузки.

Они недооценили силу ее архитектуры.

Они шли на захват как на обычную облаву, рассчитывая на бронежилеты и служебные протоколы допроса. Они не понимали, что в пространстве сновидений человеческая воля подвергается давлению, равному погружению на дно Марианской впадины без скафандра.

Рэйден провел пальцем по холодной стали своего личного

жетона.

Его преимущество заключалось в том, что в нем нечего было разрушать. Его плотина была прорвана семь лет назад; он уже жил на самом дне этого океана пустоты, привыкнув дышать ледяным вакуумом.

«Посмотрим, чей лед крепче, девочка», прошептал он про себя, опуская голову на резиновую подушку саркофага.

В архивах специального медицинского отдела ОКС хранилась папка с грифом Особый интерес: личное дело старшего инспектора Рэйдена Конроя.

На девятой странице протокола нейропсихиатрического освидетельствования стояла подпись профессора Брауна: Пациент демонстрирует полную утрату способности к формированию субъективных эмоциональных привязанностей. Болевой порог повышен на четыреста процентов. Инстинкт самосохранения редуцирован до базовых тактических реакций избегания прямой гибели. Рекомендуется использование исключительно в операциях повышенного риска с вероятностью летального исхода выше семидесяти процентов.

Они считали его биороботом. Они гордились тем, что создали идеального цепного пса, не знающего сомнений, жалости и страха.

Но ни один профессор в мире не понимал, что под базальтовой коркой сомнической слепоты тлел негасимый уголь человеческого достоинства. Рэйден не ненавидел мир: он просто ждал искры, способной растопить этот арктический

панцирь.

И этой искрой суждено было стать девушке, чье имя гремело на всех подпольных радиочастотах мегаполиса.

Перед тем как лечь в капсулу Тритон-М, Рэйден подошел к зеркалу в умывальнике дежурного бокса.

Он долго вглядывался в свое отражение: темные, запавшие глаза, жесткая линия челюсти, глубокий шрам на шее, уходящий под воротник майки. В этом лице не осталось ничего от того двадцатипятилетнего парня, который когда-то мечтал защищать закон и порядок на улицах нижнего яруса. Семь лет службы в ОКС превратили его в живой инструмент карательной машины: безжалостный, эффективный и абсолютно пустой внутри.

Он опустил ладони в ледяную воду, плеснул в лицо, чувствуя, как капли стекают по подбородку.

«Если ты сломаешься в ее сне, Конрой», сказал он своему отражению, «обратной дороги не будет. Ты останешься в ее грезах навсегда».

Но где-то на самом дне его выжженного сознания уже жило странное, необъяснимое предчувствие: эта охота станет для него не смертью, а долгожданным воскрешением.

В дежурном боксе следственного изолятора пахло казенным озоном и сухим синтетическим пайком.

Рэйден сидел на узкой койке, разминая затекшие пальцы рук. Каждое сочленение отзывалось легким хрустом. Семь лет оперативной службы вытравили из его тела гибкость

юности, заменив ее монолитной жесткостью боевого автомата. Он помнил наизусть протоколы всех двенадцати уровней допроса, но ни один параграф не мог объяснить, почему образ безымянной Морфеи преследовал его даже в редкие часы тревожного забытья.

«Она не просто нарушитель», думал он, глядя на тусклый диод вызова. «Она трещина в фундаменте этого чертова города».

Глава 3. Иммунитет

Пространство собиралось вокруг него не сразу, словно старая фотобумага в кювете с проявителем.

Сначала возник звук: глухой, вибрирующий рокот, похожий одновременно на дыхание исполинского спящего зверя и на прибой океана, разбивающегося о базальтовые утесы. Звук шел снизу, отдаваясь в подошвах сапог легкой, приятной дрожью. Затем вспыхнул свет: мягкий, рассеянный, струящийся из сотен невидимых источников, окрашивая мглу в глубокие тона индиго и жидкого золота.

Рэйден моргнул, привыкая к непривычной, ошеломляющей резкости картинки.

Он стоял на краю широкой обсидиановой террасы, парящей в абсолютной пустоте на головокружительной высоте. Под ногами расстилалась черная зеркальная гладь, в которой медленно кружились спирали светящегося тумана, похожие на новорожденные галактики. Небо над головой переливалось ультрамариновыми сполохами полярного сияния. Гравитация здесь ощущалась непривычно легкой: тело казалось невесомым, послушным, лишенным привычной земной тяжести и боли в старых шрамах.

Воздух в этом нереальном мире был совсем не похож на отфильтрованную химическую смесь из вентиляционных труб двадцать четвертого яруса ОКС.

Он был прохладным, свежим, наполненным влажным ароматом цветущего ночного жасмина, сухой горной лаванды и едва уловимым металлическим привкусом, какой оставляет на губах разряд высокого напряжения.

Рэйден опустил взгляд на свои ладони.

Пальцы были затянуты в тонкую ткань темно-серой сорочки из натурального шелка. Он медленно провел рукой по широким перилам террасы.

Холод полированного обсидиана ударил в его нервные окончания с такой пронзительной, ледяной четкостью, что у Рэйдена перехватило дыхание. Камень был безупречно гладким на плоскостях и колко-шершавым на тонких сколах карниза.

Семь долгих лет он помнил холод только как абстрактную концепцию, как цифры на шкале диагностического термометра. Сейчас это было физическое явление, заставившее волоски на предплечьях встать дыбом. Кустарный нейромост взломал блокаду его мозгового ствола и влил концентрированный поток сенсорных данных напрямую в те отделы теменной коры, которые спали со дня трагедии в секторе Омега.

В правом углу его зрительного поля тихо запульсировал крошечный изумрудный индикатор: фоновый таймер пеленгатора ОКС начал обратный отсчет.

Пять минут и сорок восемь секунд.

Ровно столько требовалось серверам Граймса, чтобы

взломать каскад прокси-узлов и зафиксировать физический адрес этой квартиры.

«Тебе нравится вид, Джулиан?», прозвучал голос откуда-то сверху, вибрируя мягким контральто прямо в костях его черепа.

Рэйден не вздрогнул. Железная военная выучка удержала его тело в абсолютном покое. Он медленно повернулся на каблуках, заложив руки за спину.

Она спускалась к нему по широкой винтовой лестнице, ступени которой казались выточенными из цельного куска темного янтаря, подсвеченного изнутри теплым пламенем свечей.

Морфея. Тот самый призрак, за которым гонялись лучшие аналитики трех следственных управлений мегаполиса.

В файлах оперативного учета не было ни ее лица, ни биологического возраста: только зашифрованные логи транзакций и сухие протоколы допросов ее сломленных клиентов. Сейчас перед ним стояла женщина, бросающая вызов законам земной анатомии. На ней было платье из мерцающей чешуйчатой ткани, облегающее тело как вторая кожа, оставляя спину и хрупкие плечи обнаженными до самого крестца. Ткань переливалась при каждом шаге, меняя цвет от глубокого антрацитового до бархатно-фиолетового. Длинные черные локоны тяжелой волной струились вдоль тела, доходя почти до колен, а в глазах цвета старого золота горело спокойное, гипнотическое торжество хищника, уверенного в аб-

солютном превосходстве своей воли.

Она двигалась с кошачьей, стелющейся грацией. Ее босые ступни едва касались янтарных ступеней.

Элиана изучала стоящего внизу мужчину сквозь призму своих системных датчиков.

И с каждой секундой в глубине ее сознания росла глухая, тревожная настороженность.

Что-то в этом сеансе шло наперекосяк с первой же секунды. Молодой Джулиан Вейн, согласно медицинским справкам и досье из закрытых баз данных, был нервным, изнеженным наследником корпоративного состояния, с юности сидевшим на тяжелых седативных препаратах. Он должен был появиться на этой террасе с дрожащими коленями, сбитым дыханием и расширенными от похоти зрачками. Клиенты такого типа падали на колени уже на третьей ступени, захлебываясь дофаминовым восторгом.

Перед ней стоял мужчина с осанкой кадрового боевого офицера.

Широкие, прямые плечи. Суровое лицо с резкими скулами, перебитой переносицей и жесткой складкой у тонких губ. Никакой суеты. Никаких лишних движений. А главное: его пульс держался на отметке шестьдесят пять ударов в минуту. Ни одного выброса адреналина. Ни одной микросудороги зрачка при взгляде на ее полуобнаженное тело.

«Ты молчишь», произнесла она, останавливаясь в трех шагах от него на нижней ступени. «Обычно в эту минуту

мужчины тратят последние крохи разума на бессмысленные комплименты. Или сразу предлагают удвоить ставку за полное подчинение».

Рэйден позволил себе холодную, едва заметную усмешку: «Я не привык платить дважды за то, что уже куплено по контракту. Особенно когда время измеряется сотнями кредитов в секунду».

Элиана нахмурилась, в ее золотых зрачках промелькнуло раздражение. Этот голос был слишком низким, слишком властным для сопливого мажора. В нем звенел металл боевого устава.

Она решила сломать его холодность проверенным алгоритмом сенсорной перегрузки.

Элиана вскинула руку. Тонкие пальцы сделали плавный жест в воздухе, словно перебирая невидимые струны.

Пространство вокруг них содрогнулось.

Обсидиановая терраса и бездонное небо растаяли серым туманом. Гравитационный вектор сместился на сорок пять градусов: Рэйден почувствовал, как воздух вокруг них становится густым, плотным, словно жидкий мед, заставляя мышцы двигаться с тягучим, медленным сопротивлением.

Они оказались в роскошном круглом павильоне, затянутом тяжелым темно-алым шелком. Вдоль стен горели сотни восковых свечей в массивных бронзовых канделябрах; в воздухе висел тяжелый, дурманящий аромат сандала, мирры и раскаленной женской кожи. Под ногами лежал ковер из

свежих лепестков черных роз, издававший при каждом шаге влажный, сладковатый хруст.

Морфея шагнула вперед, сокращая дистанцию до критического минимума.

Ее лицо оказалось в десяти сантиметрах от лица Рэйдена. Воздух между ними задрожал от наведенного статического поля.

Она положила тонкую, теплую ладонь ему на грудь, прямо напротив сердца.

Для Рэйдена это касание стало ударом высоковольтного кабеля.

Тепло ее пальцев проникло сквозь шелк сорочки, прожгло кожу, ребра и ударило в самое сердце. Это было не просто физическое давление плоти: Морфея запустила каскад синестезии. В его ушах зазвенели тысячи серебряных струн, в воздухе вспыхнули искры фиолетового пламени, а язык наполнился вкусом спелой, терпкой вишни и темного горького меда.

Сенсорный голод, копившийся в его жилах семь долгих лет, взревел раненым зверем. Его рецепторы, отвыкшие от малейшей стимуляции, буквально взорвались от переизбытка ощущений.

Рэйден пошатнулся, его зубы сжались так, что на скулах вздулись желваки. По виску прокатилась капля холодного пота.

Элиана торжествующе улыбнулась, почувствовав, как

дрогнули барьеры под ее ладонью: «Вот так, Джулиан. Дыши глубже. В моем мире не нужно носить доспехи. Здесь ты можешь позволить себе раствориться без остатка».

Она прижалась к нему всем телом. Тонкая чешуйчатая ткань ее платья не скрывала жара ее бедер и упругости груди. Ее вторая рука скользнула по его шее, пальцы с длинными перламутровыми ногтями запутались в коротких волосах на его затылке. Морфея приоткрыла губы, готовясь влить в его сознание смертоносную дозу искусственного эндорфина, которая превращала людей в покорных кукол.

Но Рэйден Конрой не был куклой.

Там, где обычный человек терял волю и расплывался в сладострастном бреду, его военный мозг переплавил этот невероятный шквал ощущений в чистую физическую агрессию. Чувства не ослепили его: они вернули ему ярость.

Его здоровая рука метнулась вперед с быстротой атакующей кобры.

Тяжелая ладонь Рэйдена сомкнулась на ее тонкой талии, сминая мерцающую ткань платья, прижимая женщину к себе с такой сокрушительной, непреодолимой силой, что из ее легких со свистом вылетел весь воздух. Второй рукой он жестко, по-хозяйски зафиксировал ее челюсть, заставив запрокинуть голову.

В золотых глазах Морфеи вспыхнул неподдельный ужас. Ни один клиент за всю историю ее практики не смел прикасаться к ней без разрешения. Ее протоколы неприкосновен-

ности должны были превратить его руки в парализованный свинец, но защитный скрипт просто разбился о глухую стену его мутации.

«Ты слишком много говоришь о подчинении, Морфея», прорычал Рэйден ей в самые губы. «Попробуй подчинить меня».

Он накрыл ее рот поцелуем.

Это было яростно, голодно и беспощадно. Рэйден целовал ее так, как умирающий от жажды путник приникает к ледяному горному источнику. Он сминал ее губы, врывался языком в ее рот, пил ее стоны и горячее прерывистое дыхание. Каждая клеточка его тела пела гимн воскрешения: он чувствовал солоноватый вкус ее кожи, слышал бешеный, перепуганный стук ее сердца, ощущал, как трепещет ее тело в его стальной хватке.

Элиана задыхалась.

Ее реальное тело, лежащее в саркофаге на сто тридцатом этаже, выгнулось в судороге. По коже пробежала волна огня. Мужчина целовал ее с такой дикой, неприкрытой правдой плоти, какой не было ни в одной из ее самых изощренных программ. Ее пальцы, вместо того чтобы активировать аварийный шокер, сами собой судорожно впились в его плечи, сжимая ткань рубашки.

В панике она попыталась применить свое главное оружие: пробить его подсознание, найти ядро его страхов и раздавить его изнутри.

Она выбросила вперед тысячи нейрокодовых зондов, направляя их в глубину его воспоминаний.

И с размаху ударилась о монолит.

Там, где у других людей копошились детские обиды, похотливые тайны, лица матерей и забытые грехи, у Рэйдена Конроя не было ничего.

Абсолютный ноль. Бездонный, полированный титановый колодец, в котором не отражался свет. Черная дыра, которая молча поглотила ее зонды и не отдала обратно ни единого байта информации.

Элиана с силой уперлась руками в его грудь и дернулась назад.

Рэйден разжал пальцы, позволяя ей отступить на шаг. Он стоял посреди алого шелка, тяжело дыша, но его темные глаза смотрели на нее с пугающей, кристальной ясностью.

«Кто ты такой?!», вскрикнула она, прижимая ладонь к горящим от поцелуя губам. Ее голос дрожал. Шелковые стены павильона пошли рябью помех. «У тебя нет снов. Твой мозг... он мертв!».

Рэйден бросил взгляд на таймер в углу зрения: оставалось две минуты и десять секунд.

«Я твой приговор, Морфея», ответил он ровно. «И мы еще не закончили этот сеанс».

Перед тем как подойти к нему вплотную, Морфея сделала медленный круг по периметру павильона.

Она не просто двигалась: она прощупывала границы его

виртуального тела десятками невидимых сенсорных щупов. Пространство повиновалось каждому взмаху ее ресниц. Внезапно температура в зале начала стремительно падать: алый шелк на стенах подернулся тонким слоем морозного инея, бронзовые канделябры покрылись ледяной коркой, а с высокого сводчатого потолка закружились крупные хлопья снега.

Снежинки падали на обнаженную шею Рэйдена, таяли, превращаясь в холодные капли.

«Ты не дрожишь, Джулиан», произнесла она с ноткой искреннего удивления. «Я понизила температуру до минус пятнадцати градусов по шкале Цельсия. Твой мозг должен был включить спазм периферических сосудов и отправить сигнал тревоги в гипоталамус».

Рэйден медленно стряхнул снег с шелкового рукава сорочки: «Я видел настоящую зиму за пределами купола, Морфея. Во время зимней кампании на Северном хребте. Твой виртуальный снег пахнет машинным спиртом и дешевым фреоном. Ты можешь нарисовать мороз, но ты не способна передать леденящий ужас настоящего замерзания, когда пальцы чернеют и отваливаются в сапогах».

Элиана замерла на месте, ее золотые глаза сузились. В этой реплике не было ничего от избалованного сынка олигарха. Перед ней стоял человек, чья плоть знала настоящую боль.

«Ты смеешь критиковать мою архитектуру?», ее голос зазвенел опасным напряжением. «Люди платят мне годовые

оклады за одну ночь в этих залах!».

«Люди платят тебе потому, что они трусы», безжалостно отчеканил Рэйден. «Они боятся выйти под настоящий дождь, боятся сказать правду в лицо начальству, боятся признаться себе в собственной ничтожности. Ты продаешь им красивую клетку, золотую погремушку для взрослых младенцев. Но за этой роскошью прячется испуганная девчонка, которая сама боится выглянуть в окно собственной квартиры».

Именно эти слова взорвали ее ледяное самообладание, заставив броситься вперед и прижаться к его груди в попытке доказать свою безусловную власть.

Перед тем как разорвать дистанцию на обсидиановой террасе, Морфея еще раз попыталась просканировать структуру его виртуального аватара.

Обычно аватары клиентов отражали их глубинные комплексы: мужчины с недостатком роста делали себя двухметровыми гигантами с рельефной мускулатурой; лысеющие клерки выбирали густые шевелюры античных героев; робкие юноши надевали на себя личины свирепых гладиаторов. Это была броня слабости, которую опытный архитектор мог снять одним ласковым прикосновением к нужной нервной точке.

У этого мужчины брони не было.

Его аватар в точности повторял его физическое тело: широкие плечи бойца, привыкшего носить тяжелый титановый

бронежилет; узловатые, загрубевшие суставы пальцев; шрам от осколочного ранения на шее; неподвижный, немигающий взгляд темных глаз. В нем не было ни капли фальши, ни грамма напускного самолюбования.

«Ты странный клиент, Джулиан», повторила она, пытаясь скрыть легкую дрожь в пальцах. «Ты не просишь власти. Не просишь поклонения. Зачем ты здесь?».

Рэйден посмотрел на черное зеркало озера под террасой:

«Я здесь, чтобы проверить, способна ли твоя магия пробить настоящую тьму. Или все твои сны это просто дешевая голограмма для слепцов».

«Мои сны реальнее твоей серой жизни, офицер», с яростной гордостью ответила она, и в ее голосе впервые прорезался настоящий голос уличной бунтарки.

После того как Рэйден разорвал поцелуй на обсидиановой террасе, Элиана сделала несколько быстрых шагов назад, ее пальцы судорожно коснулись пульсирующей шеи.

Она чувствовала вкус его губ: холодный, соленый, горьковатый от застарелого табака и чистого металла. Ни один клиент не оставлял после себя такого физического следа в ее памяти. Обычно сеансы проходили гладко, словно скольжение по теплому шелку: она вела, они подчинялись, растворяясь в экстазе.

Этот мужчина не растворялся. Он стоял посреди ее совершенного мира как гранитный волнорез, о который разбивались ее самые изощренные нейропрограммы.

Она посмотрела на свои ладони: пальцы едва заметно дрожали.

В глубине ее сознания зашевелился давно забытый, сладкий и пугающий холодок неподдельного женского любопытства. Кто скрывался за этой каменной маской? Какая чудовищная трагедия выжгла его душу дотла, оставив лишь пепел и стальную волю?

«Ты заплатишь за эту дерзость, Джулиан», произнесла она, пытаясь вернуть голосу ледяную интонацию владычицы снов. «В моем мире никто не смеет брать то, что не было предложено добровольно».

Рэйден посмотрел на нее снизу вверх, и в уголках его глаз мелькнула ироничная усмешка:

«В твоем мире слишком много золота, Морфея. Но золото не греет, когда наступает настоящая ночь».

Стоя на обсидиановой террасе парящего замка, Рэйден внимательно изучал физику созданного Морфеей мира.

Каждая деталь была продумана с маниакальной точностью гениального художника: преломление света в гранях обсидиановых перил, микроскопические искры статического электричества, возникающие при соприкосновении шелка с кожей, легкое эхо шагов, отражающееся от невидимых сводов небесного шатра. Это не было работой стандартных генераторов трехмерной графики. Это было прямое проецирование живого человеческого воображения, где каждая текстура питалась эмоциями самого создателя.

Он понял: Морфея не просто кодировала картинку, она вкладывала в этот мир частицу собственной души.

Каждый вдох в этом пространстве был ее вдохом; каждый порыв теплого лавандового ветра был биением ее собственного сердца. В этом заключалась ее абсолютная сила, но в этом же таилась ее смертельная уязвимость: ударив по архитектуре сновидения, можно было ранить самого автора прямо в живое биологическое сердце.

Конрой запомнил эту мысль, убирая ее в самый дальний, защищенный уголок своей оперативной памяти.

В симуляции обсидианового замка Морфея любила играть со свойствами звуковых волн.

Она настраивала акустику зала так, чтобы каждый вздох клиента отдавался в пространстве органным резонансом, заставляя вибрировать тончайшие струны в его позвоночнике. Это была чистая физика нейроакустического воздействия: низкие частоты в четыре герца вводили мозг в состояние глубокого тета-транса, открывая подсознание для любых внушений.

Когда Рэйден стоял перед ней, она попыталась включить эту звуковую ловушку на полную мощность.

Но Конрой даже не моргнул. Его слуховые нервы, прошедшие сквозь сотни артиллерийских канонад и разрывов гранат, отфильтровали инфразвук как фоновый шум вентиляционной турбины. Он смотрел сквозь ее звуковые иллюзии, видя перед собой лишь испуганную, одинокую душу, прячу-

щуюся за громом органных труб.

В симуляции обсидианового замка Морфея любила наблюдать за тем, как свет далеких туманностей отражается в гладких плитах пола.

Каждая плита была отполирована до зеркального блеска, создавая эффект прогулки по тонкому льду над бездонной пропастью вселенной. Для большинства клиентов этот визуальный трюк становился источником первобытного головокружения: мужчины инстинктивно хватались за ее руки, молили о поддержке, отдавая свой разум под ее полный контроль.

Когда Рэйден сделал первый шаг по этому зеркалу, он даже не посмотрел вниз.

Его взгляд был направлен строго вперед, на ее фигуру у янтарной лестницы. Он ступал по краю космической бездны так, словно шел по плацу родной казармы: уверенно, тяжело и несуетливо. В этом человеке жила врожденная гравитация внутренней правды, перед которой отступали любые оптические обманы.

Коридоры штаб-квартиры ОКС напоминали внутренности гигантского левиафана: зеркальные стены из темного композита, матовый пол, поглощающий звук шагов, и бесконечные ряды биометрических сканеров.

Офицеры в строгих мундирах проходили мимо, не глядя друг другу в глаза. В Департаменте чистоты проявление эмоций считалось первым симптомом профессионального выго-

рания. Здесь учили смотреть на человека как на набор параметров: пульс, проводимость кожи, диаметр зрачков, уровень кортизола.

Рэйден шел по коридору, чувствуя, как внутри него растет глухой, глубинное отторжение этой стерильной бездушной фабрики порядка.

Глава 4. Сбой в архитектуре

В голове Элианы раздался высокий, вибрирующий писк аварийного прерывателя.

Она знала этот звук слишком хорошо: так выла система, когда на внешнем шлюзе появлялся паразитный трафик третьего уровня опасности. Пакеты данных не просто входили в ее симуляцию, они сканировали порты ее домашнего терминала, прощупывая маршрутизацию на физическом уровне через коммутаторы сто тридцатого этажа.

Пеленг. Настоящий, тяжелый армейский пеленг, взламывающий один защитный прокси-узел за другим с безжалостной скоростью военного дешифратора Аргус.

Она отшатнулась от мужчины, прижимая ладонь к пульсирующему виску.

«Какого черта...», вырвалось у нее вслух.

Внутренний монолог в ее голове сорвался в бешеное, лихорадочное бормотание, как всегда бывало в моменты смертельной опасности. Тринадцать секунд назад все было под контролем. Джулиан Вейн должен был лежать в соплях от избытка дофамина, пуская слюни на шелковые подушки, а вместо этого передо мной стоит чертов шкаф с каменной мордой, без единой фантазии в черепе, целуется так, будто хочет сожрать меня живьем, а в это время в мой домашний кабель лезет штурмовая группа захвата. Дура. Какая же ты непро-

ходимая дура, Эля. Повелась на двенадцать тысяч кредитов. Жадность тебя и похоронит в этой железной банке под облаками. У тебя оставалось всего два месяца до покупки чистых документов класса А, а теперь твои кишки намотают на шестерни трибунала.

«Ты теряешь контроль над залом, Морфея», спокойно произнес мужчина.

Он не делал резких движений. Стоял посреди шелковой залы, заложив руки за спину, и разглядывал ее с холодным, почти научным любопытством патологоанатома.

«Кто дал тебе этот допуск?», ее голос зазвенел от сдерживаемой ярости. «Отвечай быстро! До того, как я выжгу твой нейроразъем встречным импульсом в сорок тысяч вольт. Назови имя посредника! Кто слил тебе сертификат Вейна?».

Мужчина чуть склонил голову набок. На его скуле темнело крошечное родимое пятно, а под глазами залегли глубокие тени хронической армейской бессонницы. Никаких следов аристократической изнеженности клана Вейнов: перед ней стоял матерый волк, прошедший через мясорубки нижних секторов.

«Ты не выжжешь мне разъем», ответил он ровным, глуховатым голосом. «Твой защитный скрипт уже захлебнулся в буфере обмена. Мой адаптер не принимает команды на повышение напряжения. Тебе разве не говорили в школе архитекторов, что нельзя спорить с армейским железом специального назначения?».

«Армейским...», Элиана замерла. Картинка сложилась в долю секунды, с сухим щелчком захлопнувшегося стального капкана. «Ты из Отдела Контроля. Ты ищейка Граймса. Вы выследили курьера».

«Старший инспектор Рэйден Конрой», представился он так буднично, словно они встретились в очереди за белковыми пайками на нижнем ярусе. «И у нас с тобой осталось ровно сорок пять секунд до того, как дежурная смена зафиксирует номер твоей жилой секции. Рекомендую сбросить параметры добровольно и лечь на пол лицом вниз. В изоляторах ОКС плохая вентиляция и сырой бетон, но там хотя бы кормят три раза в сутки синтетической кашей».

«Пошел ты к черту со своими камерами!», выплюнула она, отступая на шаг.

Страх перед тюрьмой был ничем по сравнению с диким, первобытным ужасом перед тем, что чужие грубые руки снова схватят ее, выволокут из капсулы, швырнут в сырой изолятор среди сотен орущих, потных тел, где никто не будет слушать ее мольбы. Ее кожа под сенсорным костюмом мгновенно покрылась ледяным потом. Воздуха в легких не осталось, словно в комнате отключили кислородную подачу.

Элиана вскинула руки к потолку.

«Коллапс протокола ноль один!», крикнула она в пустоту сводов. «Полное удаление корневой директории! Принудительный сброс всех внешних соединений! Выжечь кэш!».

Пространство залы завыло на ультразвуке.

Алый шелк на стенах мгновенно вспыхнул черным цифровым пламенем. Тяжелые бронзовые канделябры потекли каплями жидкого пиксельного мусора. Пол под ногами начал крениться под углом в сорок градусов, превращаясь в воронку из битых секторов памяти.

Это был аварийный протокол зачистки. Архитекторы использовали его в самых крайних случаях: принудительный разрыв связи с одномоментным разрушением виртуальной структуры гарантированно сжигал следы на жестких дисках серверов, но наносил сокрушительный гидродинамический удар по мозгу оператора. Головная боль на две недели, рвота кровью, лопнувшие капилляры в глазах и пятидесятипроцентный шанс навсегда остаться пускающим слюни идиотом.

Но Рэйден среагировал быстрее системных таймеров.

Он сделал гигантский рывок вперед, преодолевая бешеное сопротивление распадающегося пространства. Его тяжелая ладонь впилась в ее тонкое запястье.

Ощущение ударило по обоим с силой разорвавшейся гранаты.

Для Элианы это было не виртуальное прикосновение. В момент разрушения симуляции все защитные фильтры соматосенсорной коры отключились на аппаратном уровне. Его пальцы обожгли ее кожу, как раскаленные кузнечные клещи. Она вскрикнула, попыталась выдернуть руку, но он держал мертво, намертво блокируя ее аварийный выход в реальность.

«Стой, идиотка!», рявкнул Рэйден, и в его голосе впервые прорезались живые человеческие эмоции: ярость, раздражение и неподдельный страх за ее жизнь. «Ты разорвешь синаптические мосты! Твой спинной кабель сгорит прямо в шее вместе с костным мозгом!».

«Пусти меня!», она колотила его свободной рукой по широкой груди, забыв про магию архитектора снов, превратившись в перепуганную насмерть девчонку из трущоб сектора Омега. «Не трогай меня! Не смей ко мне прикасаться, тварь!».

«Слушай меня внимательно, Морфея!», он с силой дернул ее на себя, прижимая к своей груди так плотно, что она почувствовала тяжелый, размеренный стук его настоящего сердца сквозь сотни километров оптоволоконных кабелей. «Граймс лично ведет штурмовой борт. Но он слушает мой координатный маяк. Если я разорву контур прямо сейчас через свой терминал, сигнал покажет ложный квадрат в промышленной зоне старых складов рециркуляции. У тебя будет ровно двадцать минут, чтобы собрать вещи и исчезнуть из города!».

Элиана замерла, тяжело хватая ртом иллюзорный, горящий воздух. Ее лицо было в сантиметре от его лица. В темных глазах Рэйдена плескалась та самая ледяная бездна, но теперь на ее дне горел живой, отчаянный огонь.

«Зачем тебе это?», прошептала она, не веря ни единому слову следователя. «Ты ловец. Твоя служба это уничтожать

таких, как я. Твое повышение в кармане».

«Моя служба это не чувствовать ничего семь лет подряд», ответил он, глядя ей прямо в зрачки. «А три минуты назад я почувствовал твой поцелуй. И я не позволю Граймсу превратить твой мозг в кашу с помощью карательных нейролептиков. Беги, Элиана. Беги прямо сейчас в нижний сектор. Ищи убежище на нулевом уровне».

Он не стал дожидаться ее ответа.

Рэйден перехватил собственный титановый модуль за затылком и с чудовищной силой рванул его вбок, механически выламывая контактные иглы из своего позвоночника.

Мир сновидения лопнул с оглушительным треском бьющегося бронированного стекла.

Золотой свет, горящий шелк, бездонный провал и лицо незнакомого следователя растворились в черной, удушающей вспышке абсолютной сенсорной перегрузки.

Элиана с криком вылетела из капсулы, ударившись плечом о металлический борт саркофага.

Ее вырвало желчью прямо на полированный пол комнаты. Из носа текла тонкая струйка горячей крови, капая на серую ткань разорванного сенсорного костюма. В глазах двоилось, комната кружилась в бешеной пляске, а в ушах стоял тонкий, сверлящий звон сожженного нейроразъема.

Таймер на стене мигал тревожным красным сигналом:

Внешний разрыв соединения. Локальная сеть изолирована. Время до восстановления внешних протоколов пеленга:

18 минут 40 секунд.

Восемнадцать минут.

Он не соврал. Этот сумасшедший офицер действительно сломал свой имплант и увел группу захвата по ложному следу в противоположный конец мегаполиса.

Элиана поднялась на четвереньки, вытирая кровь тыльной стороной дрожащей ладони.

В голове звенело одно-единственное имя, которого не было ни в одном ее протоколе: Рэйден Конрой.

Она подползла к стенному сейфу, вбила аварийный код. Дверца отскочила.

Она вытащила походный рюкзак из плотного непромокаемого брезента: две пачки чипов анонимных кредитов, поддельное удостоверение третьего класса на имя техника-вентиляционщика, смена теплой одежды, ампулы с нейропротектором и тюбик термитной пасты.

Бросив взгляд на свою капсулу «Онейрос-7», стоящую целое состояние, Элиана выдавила термитную пасту прямо на процессорный блок и плату квантовой маршрутизации, чиркнула пьезозажигалкой.

Белое, ослепительное пламя температурой в три тысячи градусов с шипением вгрызлось в кремниевые платы, мгновенно испаряя любые следы клиентских баз и программных кодов.

Накинув на плечи капюшон толстовки и закинув рюкзак на спину, Элиана выскользнула на лестничную клетку слу-

жебного выхода, направляясь к грузовому лифту.

Ее жизнь на сто тридцатом этаже закончилась навсегда.

В этот же самый миг в центральном оперативном зале ОКС на тринадцатом этаже цитадели царило контролируемое безумие.

Двадцать аналитиков в наушниках склонились над голографическими терминалами, лихорадочно перебирая пакеты зашифрованного трафика. На центральном табло мигала карта Нео-Каскада: багровая точка сигнала скакала по секторам, словно взбесившаяся стрелка компаса.

«Сигнал зафиксирован в четырнадцатом секторе!», орал дежурный координатор в микрофон гарнитуры. «Заброшенные склады рециркуляции отходов! Координаты переданы на борт комиссара Граймса!».

Никто из них не заметил крошечной системной аномалии: задержка в тридцать миллисекунд между сбросом маяка Конроя и ответом спутникового ретранслятора. Военный искин Аргус проглотил наживку целиком, перенаправив все резервные флаеры перехвата на пустые бетонные ангары в промышленной зоне.

А в это время на сто тридцатом этаже жилого монолита Элиана уже протискивалась в узкую створку технического мусоропровода.

Воздух в вертикальной вентиляционной шахте был ледяным, пахло технической пеной и пылью. Она ползла по узкому металлическому коробу на четвереньках, сдирая колени

до крови о выступающие головки заклепок, прижимая к груди походный рюкзак. Сзади, из ее брошенной квартиры, донесся приглушенный глухой хлопок: термит расплавил материнские платы ее капсулы, превращая электронику в дымящийся монолит шлака.

Через две минуты дверь ее секции разнесло гидроударом штурмового тарана дежурного наряда домовой безопасности. Но внутри каратели нашли только едкий белый дым и выгоревший дотла пол.

Элиана уже была на семьдесят этажей ниже, скользя в клети служебного подъемника навстречу зловонной тьме нижних ярусов.

Спускаясь по вентиляционному рукаву сто тридцатого этажа, Элиана непрерывно вела внутренний тактический подсчет оставшихся ресурсов.

В ее рюкзаке было тридцать две тысячи кредитов наличными чипами, полевой аптечный комплект, портативный паяльник и аварийный криптографический ключ к закрытому хранилищу в седьмом секторе. Этого было ничтожно мало для организации постоянного побега из мегаполиса, но достаточно, чтобы продержаться на дне трущоб трое суток.

Стенки вентиляционного короба вибрировали от работы мощных нагнетателей.

На сто двадцать пятом этаже она на секунду замерла: через решетку воздухозаборника был виден роскошный холл пентхауса одного из членов совета директоров. Там, на мяг-

ких диванах из натуральной кожи, сидели холеные мужчины в белых шелковых костюмах, потягивая настоящее шампанское из хрустальных бокалов, обсуждая котировки акций и сокращение пайков для рабочих нижних уровней. Они выглядели безмятежными богами, уверенными в своей вечной неприкосновенности.

Элиана горько усмехнулась про себя. Она знала тайны половины этих господ: двое из них были ее тайными клиентами, умолявшими на коленях в ее виртуальных будуарах о прощении за свои грехи.

«Наслаждайтесь, пока можете», прошептала она в темноту короба, возобновляя спуск. «Скоро этот карточный домик рухнет прямо на ваши сытые головы».

Пробираясь по лабиринтам сервисных коридоров на сто тридцатом этаже, Элиана непрерывно сверялась с портативным датчиком электромагнитных полей.

Каждые пятьдесят метров в технических нишах висели автоматические камеры домовой охраны с детекторами движения. Она знала их слепые зоны наизусть: за три года подпольной работы она изучила анатомию этого здания лучше, чем его главные инженеры. Шаг под трубу охлаждения, три секунды паузы, перекат через кабельный лоток, пока объектив сервопривода делает оборот на девяносто градусов.

Ее сердце колотилось где-то в горле, но руки действовали четко и хладнокровно.

Она вспомнила слова своего брата Дэна, сказанные им за

день до гибели: «Страх это лучший инструмент выживания, сестренка. Если ты перестанешь бояться, ты сделаешь глупую ошибку и сдохнешь. Слушай свой страх, но никогда не позволяй ему держать руль».

Элиана выскользнула к шахте бельевого подъемника, открыла служебный люк универсальным ключом и прыгнула на крышу медленно опускающейся клети.

Через тридцать секунд за ее спиной раздался отдаленный гул тревожной сирены: служба безопасности монолита обнаружила пожар в ее секции. Но было уже поздно: Морфея растворилась в бесконечных артериях Нео-Каскада.

Падая сквозь вертикальную шахту технического мусоропровода, Элиана чувствовала, как адреналин сжигает остатки слабости в ее мышцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.